

Alexey Tuzov

Эхо холодной войны: Проект S.H.I.L.O.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Alexey Tuzov

**Эхо холодной войны:
Проект S.H.I.L.O.**

«Автор»

2026

Tuzov A.

Эхо холодной войны: Проект S.H.I.L.O. / А. Tuzov — «Автор», 2026

Что общего у параноика-криптографа из США, фантомного наследника норвежского престола и экипажа советской подлодки, застрявшей между физикой и здравым смыслом? Все они втянуты в «Проект S.H.I.L.O.» — самую абсурдную шпионскую игру 90-х. Американцы ищут супероружие. Русские ищут выход из окружения, используя навигацию по звездам, сверхсекретное изделие «СУСАНИ-Н» и 96-градусный катализатор «души тайги». Трагикомедия о столкновении двух систем, где побеждает не тот, у кого точнее ракеты, а тот, кто искренне верит в невозможное.

© Tuzov A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ	5
БЛАГОДАРНОСТЬ	6
ГЛАВА 1. СТЕРЖЕНЬ КАРАПЕТОВИЧ, КБ «НЕФРИТ» И ПОДВОДНОЕ ПЛАВАНИЕ В СТЕПЯХ	7
ГЛАВА 2. ТАИНСТВЕННЫЙ ДИВИЗИОН, БУХТА КУТ И МАШИНА ДЛЯ ЯБЛОК	10
ГЛАВА 3. НАСЛЕДНИК ИЗ ХЕСТВИКЕНА, МАЛИНОВОЕ ШИЛО И ТРИ ДНЯ ТЕМНОТЫ	14
ГЛАВА 4. СПИРТ, НАМАЗ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ	18
ГЛАВА 5. ТРИ ДНЯ ТИШИНЫ, КОНФИСКАТ ЗАМПОЛИТА И ЗОЛОТО ВИКИНГОВ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Alexey Tuzov

Эхо холодной войны: Проект S.H.I.L.O.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящается любителям морских историй, не утратившим чувства юмора. И особенно тем, кто, нося погоны любого флота и рода войск, сумел остаться собой — вопреки роли, которую навязывали абсурдные обстоятельства.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Эта книга не появилась бы на свет без суровой романтики Северного флота и абсурда эпохи перемен.

Прежде всего, я хочу поблагодарить океан. За то, что он огромен, холоден и умеет хранить тайны лучше, чем любой архив ГРУ.

Спасибо экипажам реальных субмарин. Тем, кто знает, чем пахнет регенерированный воздух, что такое «Ванька-Встанька» на урановом балласте и как делить одну банку сгущенки на троих в автономке. Ваш опыт, ваши байки и ваше молчание — фундамент этой истории.

Отдельная благодарность бюрократии. Советской, российской, британской и норвежской. Без вашего умения создавать проблемы на ровном месте и искать племянников королей там, где их нет, сюжет этой книги был бы пресным. Спасибо закону Брандолини за вдохновение.

Спасибо компании Breitling за создание часов, которые открывают двери даже в советские штабы, и швейцарским часовщикам за терпение (мы знаем, что Адун к вам не относится, но всё же).

Спасибо моим близким, которые стоически терпели мои бесконечные монологи о плутониевых токенах, гептиле, разнице между К-219 и «Комсомольцем», и о том, почему масло с яблочным повидлом — это еда настоящих аристократов.

И, наконец, спасибо тебе, Читатель. За то, что рискнул погрузиться с нами на эту глубину, где давление зашкаливает, а здравый смысл иногда отказывает. Надеюсь, твой вестибулярный аппарат выдержал.

ГЛАВА 1. СТЕРЖЕНЬ КАРАПЕТОВИЧ, КБ «НЕФРИТ» И ПОДВОДНОЕ ПЛАВАНИЕ В СТЕПЯХ

«На флоте любое начинание всегда делится на четыре стадии: первая – запугивание; вторая – запутывание; третья – наказание невиновных; четвертая – награждение неучаствующих».

Александр Покровский

Если вы думаете, что советские подводные лодки проектировали в огромных светлых залах, где сотни людей в белых халатах склонялись над кульманами, то вы правы. Так проектировали нормальные лодки. Те, которые потом гордо шли на парадах и попадали в справочники Джейн. Но «Иваси» — она же К-1313, она же натовский кошмар «Surstromming» — рождалась иначе.

В знаменитом ленинградском ЦКБ МТ «Рубин», в том самом здании, где коридоры были длиннее, чем полярная ночь, существовала неприметная дверь. На ней висела табличка из дешевого пластика: «Участок КИП и А. Посторонним вход воспрещен. Ответственный за пож. безопасность — Макранян С.К.». Мимо этой двери адмиралы и главные конструкторы проходили, не замедляя шага. Ну, сидят там киповцы, паяют свои схемы, чинят осциллографы, дымят канифолью. Кому они интересны? А зря.

За этой обшарпанной дверью, в прокуренной «кандейке», заваленной радиодетальями и банками с растворимым кофе, располагалось сверхсекретное конструкторское суб-бюро «Нефрит». Штат — шесть человек. Бюджет — неограниченный, но проходивший по статье «Расходные материалы для хозблока».

Руководил этим бедламом Стержень Карапетович Макранян. Человек-легенда. Внешне он напоминал грустного спаниеля, одетого в вечный серый халат с прожженным карманом. Официально он числился старшим техником-наладчиком 6-го разряда. Неофициально — его уровень допуска к гостайне был выше, чем у Генерального секретаря, потому что Генсек мог забыть тайну по старости, а Стержень Карапетович не забывал ничего. Даже того, кто двадцать лет назад занял у него три рубля на пиво.

Именно Макранян придумал концепцию проекта «Иваси».

— Слушай, — говорил он, двигая по столу шашки, сделанные из обедненного урана (шутка, конечно, из эбонита, но тяжелые). — Зачем нам большая лодка? Большая лодка — большая мишень. Нам нужна лодка-иголка. Лодка-блоха. Чтобы она укусила, а они даже не поняли, где чесаться.

Собирали этот конструктор Лего по схеме, которая могла родиться только в воспаленном мозгу советского логиста. Корпусные секции — легкие, титановые, невероятной прочности — делали в Северодвинске А в Казахстане, на заводе имени Кирова, который официально выпускал торпеды и утюги, а неофициально — детали для космических кораблей, сделали корму и рубку. Почему в горах? Потому что Стержень Карапетович считал, что горный воздух закаляет металл лучше, чем морской. Секции вывозили по ночам, под видом цистерн, на железнодорожных платформах, накрытых брезентом с надписью «Удобрения».

Начинку — ту самую уникальную акустику и систему костного резонанса — клепали в закрытых цехах Севморзавода, под шум прибоя и матерки боцманов. Там, в мареве, инженеры вплавляли в схемы ненависть к империализму.

А вот окончательная сборка... Это была песня. Финальный аккорд звучал на Дальнем Востоке. В Комсомольске-на-Амуре-НА. В секретном «нулевом» эллинге Амурского судостроительного завода «Иваси» обрела плоть. Её сварили, начинили, обклеили той самой японско-тайской резиной и покрасили в черный цвет, который поглощал даже свет фонарика.

Да, главной гордостью «Иваси» было её покрытие. Советская резина, как известно, отлично подходила для галош и противогозов, но для звукоизоляции атомного крейсера она была грубовата. Она скрипела. Она пела. Поэтому для К-1313 покрытие добывали через схему, достойную отдельного тома уголовного дела в Интерполе.

Да, покрытие было японским. Но Япония, верный самурай США, резину стратегического назначения в СССР не продавала. Поэтому работала схема «Тройной азиатский кульбит». Японский химический концерн продавал сырьё — «латекс акустический, модифицированный» — во Вьетнам, якобы для производства подошв для джунглевых ботинок. Вьетнамские товарищи, хитро улыбаясь, перепродавали партию в Таиланд, на завод «Слипи Элефант», который делал ортопедические подушки. И уже оттуда, под видом десяти тысяч тонн бракованной латексной пены для подушек (якобы слишком плотной для нежных шей тайских туристов), груз уходил в Мурманск. В итоге лодка была покрыта, по сути, миллионом переплавленных ортопедических подушек. Эффект был потрясающий. Вражеский сигнал сонара, ударяясь о борт К-1313, не отражался. Он просто «увязал» в этом японско-тайском комфорте, уютно сворачивался калачиком и засыпал. Лодка была не просто тихой. Она была акустической черной дырой.

Но возникла проблема, от которой у директора завода дергался глаз и открывалась язва. Как вывести секретную атомную подлодку из реки Амур в океан так, чтобы американские спутники, висящие над заводом гроздьями, не засекали её еще на стапеле? Амур — река мелкая, капризная, коварная, а фарватер просматривается из космоса как на ладони. Любая тень, любой бурун — и в Лэнгли открывают шампанское.

Макранян, прилетевший на сборку под видом скромного киповского снабженца с ящиком армянского коньяка «Ахтамар», решил задачу, пока курил одну сигарету.

— А мы её спрячем, — сказал он, выпуская дым в потолок кабинета директора. — У мамы под юбкой.

— У какой мамы, Стержень Карапетович? — простонал директор. — У нас тут одни сварщики.

— У баржи, дорогой. У большой, плоской, железной мамы.

Операция получила кодовое название «Амурский вальс». Специально для этого дела была построена — якобы для экспорта леса в Японию — чудовищных размеров плоскодонная баржа. Лесовоз-плотовод. С виду — обычное корыто, только очень большое. Но у этого корыта был секрет. Дно у него было не плоское, а вогнутое внутрь, как у перевернутой ложки. Образулась такая полость, ниша, тайный карман, скрытый от глаз людских и спутниковых.

«Иваси» притопили прямо в заводском затоне, ночью, в густой туман. Аккуратно, ювелирно, с точностью до миллиметра завели её под днище этого лесовоза. И закрепили. Не жестко, чтобы не порвать корпус при качке, а на специальных гибких сцепках-амортизаторах. Получилось, как кенгуренок в сумке. Или как бандитский ствол в рукаве.

Утром лесовоз, груженный для отвода глаз штабелями лиственницы, двинулся вниз по течению. Он шел тяжело, гудя дизелями, пугая рыбу и разгоняя волну. На палубе сидел шкипер в майке-алкоголичке, курил и плевал за борт, всем своим видом демонстрируя полную безмятежность и похмельную тоску. Американские спутники видели лесовоз. Они видели бревна. Они видели шкипера. Но они не видели, что у лесовоза двойная осадка.

А внизу, в мутной, черной воде, в полной темноте, под днищем баржи шла «Иваси». Экипаж сидел на боевых постах, не дыша и молясь всем известным и неизвестным богам. Потому что Амур мелел. Запас глубины под килем самой лодки иногда составлял не метры, а жалкие полметра.

— Командир! — шептал акустик, побелевший, как полотно, вжимаясь в наушники. — Скребем... Пузом скребем! Слышу грунт!

Лодка вздрагивала. Скрежет гравия о титановое брюхо, усиленный водой, звучал внутри как скрежет ножа по стеклу, увеличенный в тысячу раз.

— Отставить панику! — шипел в ответ первый командир «Иваси», вытирая пот со лба рукавом новой, еще пахнувшей складом «канадки». — Это мы не скребем. Это мы ил чистим. Углубляем фарватер для народного хозяйства. Держись, мужики. Немного осталось.

Так, в позе эмбриона, прижавшись к железному животу «мамы-баржи», «Иваси» вышла в Татарский пролив. Там, в густом тумане, где не видно ни зги, водолазы перерезали «пуповину». Гибкие сцепки отстегнулись. «Иваси» булькнула балластом, махнула рулями на прощание и, почувствовав настоящую глубину, ушла вниз. Ушла, чтобы через Северный морской путь, подо льдами, добраться до своего логова в Оленьей Губе и стать тем самым призраком, которого нет, но от которого у натовских адмиралов начинается нервный тик.

А Стержень Карапетович вернулся в свою кандейку в «Рубине», надел серый халат, взял паяльник и продолжил чинить чей-то магнитофон «Весна», хитро улыбаясь в усы. Он знал, что его «блоха» уже в океане, и она обязательно укусит.

ГЛАВА 2. ТАИНСТВЕННЫЙ ДИВИЗИОН, БУХТА КУТ И МАШИНА ДЛЯ ЯБЛОК

Ronald Reagan's favorite joke: «What's as big as a house, burns 20 gallons of fuel every hour, puts out a shit-load of smoke and noise, and cuts an apple into three pieces? — A Soviet machine made to cut apples into four pieces!»

Любимый анекдот Рональда Рейгана:

— Что это, размером с дом, жрет 20 галлонов топлива в час, выдает дохренища дыма и шума и режет яблоко на три части? — Советская машина для разрезания яблок на четыре части!

Если у планеты Земля есть анатомические подробности, то вход в преисподнюю находится не в жерле вулкана, а в Кольском заливе. Но не в парадном Североморске, где стоят вылизанные к приезду адмиралов крейсера, а чуть в стороне. В Оленьей Губе. И даже не в самой Губе, а в её воспаленном, гноящемся аппендиксе — в бухте Кут.

Это место проклинали даже крысы. Сюда, в этот тупик географии, десятилетиями сливали всё, что не тонуло, и всё, что тонуло, но медленно. Мазут с судоремонтного завода «Нерпа» здесь не плавал радужной пленкой — он лежал уверенными, жирными пластами, как шоколад в торте «Прага». Сверху, для аромата, добавлялась канализация города Вьюжного (он же Снежногорск), которая текла сюда весело, бурным потоком, без всяких буржуазных предрассудков вроде очистных сооружений. А вишенкой на этом торте была «светящаяся» водичка с плавмастерских (ПМ), где перезаряжали реакторы и периодически, по старой флотской традиции, роняли что-нибудь активное в воду.

Вода в бухте Кут была такой плотности, что зимой она не замерзала, а густела, превращаясь в радиоактивный холодец. Даже суровые буксиры, выдавшие виды, отказывались туда заходить.

— Не пойду! — орал капитан рейдового буксира РБ, запираясь в рубке и показывая диспетчеру кукиш. — Я потом винты от говна неделю отмывать буду! Там же не вода, там таблица Менделеева вступает в противоестественную связь с таблицей калорийности!

Американцы, конечно, знали. В барах Норфолка седые ветераны ЦРУ, опрокинув третий стакан виски, любили травить байки салакам: мол, их «Лос-Анджелесы» заходили в Кольский залив и даже всплывали у причала в Полярном, чтобы сфотографировать расписание бани. Чушь собачья. В Полярный зайти сложно, но теоретически, если продать душу дьяволу, можно. А вот в бухту Кут не сунулся бы ни один американец. Не из страха перед КГБ. А из элементарной брезгливости и инстинкта самосохранения.

— Сэр, мы можем подойти ближе к объекту? — спрашивал акустик на американской субмарине, глядя на экран сонара с брезгливым ужасом.

— Никак нет, сынок, — отвечал командир, отворачивая лодку. — Если мы туда зайдем, мы потом отмоемся только в святой воде. Там русские бактерии разъедают титановый корпус за полчаса, а гидролокатор начинает материться.

И именно там, в этом химическом бульоне, среди скал, похожих на гнилые зубы дракона, прятался самый секретный дивизион Северного флота.

Официально в Оленьей Губе базировался знаменитый 29-й дивизион — легендарная часть ГУГИ, где стояли носители глубоководных станций. Герои, орденоносцы, элита, наibelейшая кость. А в бухте Кут, в пещере, вход в которую был замаскирован под кучу ржавого лома и естественный скальный обвал, базировался другой дивизион. Дивизион-фантом. Диви-

зион-изгой. На флоте его вслух никак не называли, но шептали про себя: «Дивизион Мертвых Голов»..

Пещера была оборудована хитро, по-немецки (строили пленные, достраивали зеки ГУЛАГа, шлифовали матом мичманы). Вход — под водой, через лабиринт скал, где, по слухам, валялись утерянные твэлы (тепловыделяющие элементы). Внутри — сухой док, свет, вентиляция, которая засасывала запах мазута снаружи, отчего внутри пахло, как в гараже у сатаны, и... тишина.

«Иваси» здесь не просто пряталась. Она стояла на подзарядке от самой страшной розетки Советского Союза. Она была придатком Великого и Ужасного «Зевса». Система «Зевс» — это была та самая «машина для яблок» из анекдота Рейгана. Только масштабы были планетарные. На перешейке между Кольским полуостровом и материком, в гранитный монолит были вбиты два гигантских электрода. Длиной по шестьдесят километров каждый. Это вам не антенна на крыше, это гвозди в крышку гроба капитализма.

Когда «Зевс» включался, Кольская атомная электростанция начинала моргать лампочками, а счетчики Гейгера в Мурманске сходили с ума, показывая погоду на Марсе. Генератор жрал столько энергии, что её хватило бы, чтобы вскипятить небольшое озеро или осветить всю Восточную Европу. Он посылал в земную кору импульс частотой 82 Герца. Земля гудела. Черви вылезали из почвы и ползли в сторону Норвегии, прося политического убежища. Лоси в лесах сбрасывали рога не по сезону. Этот сигнал, пройдя сквозь ядро планеты, выходил где-то в океане.

Но сигнал был нечетким, грязным, размытым. Как шепот умирающего гиганта. Чтобы его разобрать, нужен был морской ретранслятор. Приемник, способный отделить «голос Родины» от шума креветок, песен китов и гула винтов натовских эсминцев. Этим приемником и была «Иваси» с её экипажем, чьи черепа, настроенные спиртом и ударами о переборку, работали лучше любой цифровой ЭВМ.

Вот в этом месте, вдыхая ароматы фекалий и мазута, стоял таинственный дивизион, готовый в любой момент принять сигнал, от которого мир расколется не на три, и не на четыре части, а просто превратится в радиоактивную пыль.

У природы, как известно, все парное: почки, легкие, полушария мозга (хотя у некоторых замполитов работает только одно, и то — отвечающее за цитирование устава). Советский ВПК, будучи венцом творения природы и партии, этот принцип чтит свято. Одной уникальной лодки мало. Одна может сломаться, утонуть, уйти в запой или, не дай Бог, стать пацифистом. Нужна вторая. Дублер. Тень.

Поэтому К-1313 «Иваси» была не сиротой. У неё была сестра. Если про первую мы знали, что её собирали из казахского титана и тайских подушек под присмотром Стержня Карапетовича, то про вторую не знал никто. Даже сам Стержень Карапетович, когда его спрашивали о «дублере», делал вид, что у него внезапно заложило уши, и начинал с увлечением ковыряться в зубах.

Ходили слухи — смутные, как очертания берега в туман, — что её склепали в городе Горьком, на заводе «Красное Сормово». Но ветераны, которые помнили еще, как Сталин курил трубку, качали головами:

— Нет, в Сормово так не варят. В Сормово шов другой, грубый, волжский. А у этой — шов гладкий, хитрый. Такое ощущение, что её вообще не варили, а отлили целиком в какой-то подземной домне где-нибудь под Челябинском. Или вообще выпилили лобзиком из цельного куска метеорита.

Она была абсолютной копией «Иваси», и ходило под тем же бортовым номером. Тот же хищный профиль, тот же черный, поглощающий звук корпус, та же горбатая спина. Но если у оригинальной К-1313 был, скажем так, характер авантюрный и слегка придурковатый (сказывалась сборка в разных климатических зонах), то Вторая была мрачной. Зловещей. Её

номера никто толком не знал. В ведомостях она проходила как «Заказ № 2», а экипаж называл её просто — «Та».

— «Та» сегодня вышла, — шептали матросы на пирсе. — Значит, скоро наша очередь.

Система «Зевс» не терпела пустоты. Сигнал должен был идти всегда. Либо К-1313 висит в океане, ловит дрожь земли и передает её дальше, либо «Та». Они работали в противофазе. Как поршни в двигателе. Одна в море — другая в той самой пещере в бухте Кут, стоит в сухом доке, опутанная кабелями, и «дышит», заряжая свои inferнальные аккумуляторы.

Но самое удивительное было не в железе. Самое удивительное было в людях. Экипажи этих двух лодок-близнецов никогда не встречались. Это было возведено в абсолют, в паранойю, в религию. График был составлен так, чтобы исключить даже случайный визуальный контакт. Когда К-1313 швартовалась в пещере, экипаж «Той» уже был вывезен. Не просто в казармы, а вообще — в другой гарнизон, в отпуск, в санаторий, на Луну. Говорили, что это сделано для секретности. Чтобы, если один экипаж захватят враги и начнут пытать утюгом, они не могли сдать сменщиков, потому что тупо не знают их в лицо. Но была и другая версия, мистическая, которую шепотом рассказывал старый мичман-турбинист:

— Нельзя им встречаться. Это как материя и антиматерия. Если экипаж «Иваси» увидит экипаж «Той», произойдет аннигиляция. Вселенная схлопнется, и останется только одно большое мокрое место и фуражка командира.

Поэтому они жили как день и ночь. Два призрака, охраняющие один вход в преисподнюю. «Иваси» уходила в шторм, веселая, пахнувшая малиновым спиртом и авантюрой. А «Та» оставалась в черной пещере, холодная, молчаливая, ожидая своего часа, чтобы выползти наружу и сменить сестру на вахте конца света. И никто, даже Господь Бог и начальник особого отдела, не знал, что творится в головах у тех, кто служил на «Той». Может, они тоже пили спирт и бились головами о переборки. А может, они вообще не пили и читали наизусть Гегеля. Проверить это было невозможно, потому что для нас, простых смертных, их просто не существовало.

У любого дурдома должен быть главврач, а у любого секретного дивизиона, замурованного в скалу в эпицентре экологической катастрофы, должен быть командир. И такой человек был. Командовал «Дивизионом Теней» контр-адмирал Г. Н. Регини.

Его фигура вызывала трепет, смешанный с мистическим ужасом. Потомок древнего адыгейского княжеского рода, в жилах которого также текла густая, как старое вино, кровь армянских негодяев, он был чужеродным элементом в этом царстве вечной тьмы и капающего конденсата. Фамилия Регини звучала красиво, по-итальянски, с претензией на оперу. Но имя и отчество — Гани Донович — при быстром произнесении создавали фонетический казус, который матросы шепотом, озираясь на черные своды пещеры, обыгрывали в курилках. Впрочем, вслух шутить никто не решался, ибо эхо в пещере было предательским и доносило каждое слово.

Адмирал Регини был человеком стальной воли и безупречного, почти болезненного эстетизма. Среди мазутной грязи, покрывающей стены грота, среди скользких трапов и тяжелого, спертого воздуха подземелья, он появлялся всегда одинаково: идеально отглаженная черная форма, стрелки брюк, о которые можно порезаться в темноте, и — его фирменный знак — ослепительно белые перчатки. Он словно бросал вызов окружающей энтропии и самой преисподней.

Каждый развод начинался с сюрреалистического ритуала. Построение на подъем флага происходило не под открытым небом, а в каменном мешке. Дивизион строился на ветхом пирсе, освещенном лишь тусклым аварийным светом и пляшущими лучами мощных корабельных фонарей. Команды «На флаг и гюйс!» разлетались под сводами пещеры многократным, гулким эхом, от которого, казалось, вибрировали сталактиты (если бы они тут были, но тут были только мазутные сосульки). Гимн Советского Союза звучал здесь как хоральная прелюдия в аду.

Регини выходил из темноты штольни, как Воланд на бал. В руках он держал мощный, хромированный фонарь. Луч света выхватывал из мрака лица офицеров, пуговицы, пряжки.

— Товарищи офицеры, — его голос был тихим, но акустика пещеры превращала его в грохот камнепада. — Я освещаю вас и вижу, что тьма пытается вас поглотить. Вы позволяете ржавчине коснуться не только ваших пряжек, но и ваших душ.

Луч фонаря уперся в ботинок командира БЧ-5. Ботинок был тусклым.

— Товарищ адмирал, — голос механика дрожал, отражаясь от мокрых стен. — Агрессивная среда... Влажность сто процентов... Испарения... Окисление идет мгновенно. Мы же в пещере!

— Окисление — это оправдание для слабых! — отрезал Регини, и эхо повторило: «...для слабых... слабых...». — Вы служите на уникальных кораблях. Вы — острие иглы, спрятанной в камне. Игла должна блестеть, даже если ее воткнули в навозную кучу. Я — Регини. Я не окисляюсь. И вам не позволю.

Матросы за спинами офицеров молчали, вжимая головы в плечи и шурясь от света адмиральского прожектора. Адмирала боялись больше, чем радиации или обвала свода. Радиация убивает медленно, а взгляд Гани Доновича в луче фонаря прожигал дыры в биографии мгновенно.

Но была у него черта, за которую его уважали безоговорочно. Он никогда не морщился. Стоя на пирсе, в замкнутом объеме пещеры, где концентрация запахов мазута, канализации и «фонящей» воды достигала критических отметок, он дышал полной грудью. Для него не существовало вони. Существовала только атмосфера величия.

— Вдохните, — говорил он, вода лучом фонаря по черной воде, в которой отражались лампы. — Это не запах мазута, товарищи! Это запах нашей с вами тайны. Тяжелый, вязкий, концентрированный. Так пахнет настоящая воля, загнанная под землю, чтобы в нужный момент защитить нашу Родину!

Именно Регини встречал лодку из походов. Когда ворота шлюза открывались и «Иваси» входила в пещеру, разрывая черную воду, первым, что видел командир лодки в перископ, была одинокая фигура на пирсе. Белая перчатка лежала на леере, а луч фонаря бил прямо в оптику перископа, приветствуя возвращение блудной дочери.

— Контр-адмирал на месте, — докладывал вахтенный в центральном посту, шурясь от яркого света.

— Значит, база еще стоит, и свод не рухнул, — выдыхал командир лодки. — Приготовиться к швартовке в темноте. И, ради Бога, проверьте, чтобы клапана блестели. Если он увидит грязь на борту своей любимицы, он нас самих заставит эту резину языком полировать.

Так замыкался круг. Черная резина касалась черного кранца. Кабели толщиной в удава впивались в борт, и лодка начинала пить энергию скал. А Гани Донович, погасив фонарь, растворялся в темноте, как призрак оперы, у которого отобрали театр, но оставили декорации. Дивизион Теней заступал на вахту, охраняя покой мира, который даже не подозревал, что он, как то яблоко из анекдота Рейгана, уже давно размечен на части, и чертежи эти надежно спрятали под кителем адмирала с белыми перчатками. Просто нож пока не опустился.

ГЛАВА 3. НАСЛЕДНИК ИЗ ХЕСТВИКЕНА, МАЛИНОВОЕ ШИЛО И ТРИ ДНЯ ТЕМНОТЫ

«Человек может убежать от врага, но от своей тени и от своей участи не убежит никто, даже если он уплывет на край света». (Сигрид Унсет, «Улав, сын Аудуна»)

Норвежское море в тот день вело себя как старая, ворчливая торговка рыбой на привозе — штормило не сильно, без фанатизма, но с какой-то нудной, ледяной злобой, выматывающей душу. Старый сейнер «Улав», названный владельцем то ли в честь святого короля, то ли в честь героя той самой великой саги, скрипел шпангоутами, принимая удары волн.

На борту было пятеро. Четверо — крепкие, простые парни из Тронхейма, которые сейчас спали в кубрике, утомленные вахтой и дешевым аквавитом. И пятый. Аудун. В судовой роли он значился как штурман Аудун Хествикен. Фамилия громкая, книжная, пахнущая средневековой кровью и грехом, но в современной Норвегии она вызывала лишь легкую улыбку: мол, гляди-ка, аристократ, а за рыбой ходит. Поэтому, остальные члены экипажа не пропускали возможности подтрунить над ним, что его, по всей видимости раздражало.

В тот день Аудун стоял на вахте за штурвалом. Они шли домой. Трюма были полны трески. Он курил, прикрывая огонек ладонью в дорогой, слишком дорогой для простого рыбака перчатке из тонкой кожи, надетой под резиновую верхонку.

Странности начались ровно в 14:00. Волна ударила в борт. Удар был обычным, но звук — нет. Раздался сухой, трескучий хруст, будто сломали хребет огромной мороженой треске. Сейнер клюнул носом. Любой нормальный моряк заорал бы «Полундра!», бросился бы к рынде или к рации. Аудун молчал. Он спокойно докурил, щелчком отправил окурок за борт и посмотрел на часы. «Брайтлинг» на его запястье отсчитывал секунды с равнодушием вечности. Корабль уходил под воду неестественно быстро. Словно кто-то открыл кингстоны. Или словно кто-то заранее, с хирургической точностью, подпилит нужную трубу в машинном отделении.

Аудун не паниковал, не суетился. И кто знает, почему он не побежал будить экипаж? Он просто стоял и смотрел, как вода лижет фальшборт. И только когда палуба ушла из-под ног, он шагнул в ледяную воду. Он не барахтался. Он просто лег на спину, удерживаемый жилетом, и стал ждать. Вокруг плавали щепки, пустая канистра и масляное пятно. Людей не было. Экипаж «Улава» так и не проснулся, перейдя из алкогольного сна в вечный без промежуточных остановок.

Аудун снова посмотрел на часы. Стрелка коснулась отметки. Он выдернул шнур дымовой пашки. Густой, рыжий, едкий дым повалил над водой, разрываемый ветром. Это был не крик о помощи. Это была метка.

И бездна ответила. Буквально через минуту вода рядом вскипела. Из пены, с шумом водопада, выросла черная гора. Рубка. Огромная, хищная, без номера и флага, покрытая странным матовым материалом, который жадно поглощал скудный северный свет. Лодка всплыла почти вплотную. На мостике с лязгом откинулся люк. Высунулись фигуры в «канадках».

— ...твою флотилию! — донеслось сквозь ветер. — Кто там дымит?!

— Шпион, тащ командир! Или идиот - смотрите щепки, везде, крушение!

— Тушите этот факел! — заорал командир так, что перекрыл шторм. — «Орионы» над головой! Нас сейчас срисуют вместе с этим папуасом!

Лодка подвернула. С мостика в Аудуна полетело что-то тяжелое, сбивая дымящую пашку в воду.

— Хватай его! Быстро!

Его подцепили багром за лямку жилета, рванули вверх, проволокли по пружинящей, скользкой резине корпуса и грубо, по-хозяйски, сбросили в рубочный люк.

— Вниз! Иди вниз, с-сука! — орали ему в спину, подталкивая нежно.

Внизу, в центральном посту, было тепло и светло. И пахло. Тот самый запах. Смесь аккумуляторной кислоты, пота, озона и жареного лука. Запах замкнутого мира. Аудун стоял, с него текла вода, образуя лужу на чистом линолеуме. Вокруг него собрался «совет старейшин»: Командир (огромный, небритый, злой), Старпом, Замполит и Особист — маленький, юркий капитан третьего ранга с глазами прокурора.

— И куда мне это чудо девать? — спросил Командир, тыкая пальцем в дрожащего норвежца. — У нас боевая служба, а не круиз.

— В салон его тащи, к тебе, — предложил Замполит. — Там диван есть. Допросим.

— Ага, щас! — взвился Командир. — В салон? Ты в своем уме? У меня там карты разложены! У меня там прокладка курса! У меня там, в конце концов, фотографии базы на стене висят, для уюта!

Особист встрепнулся, как кобра:

— Какие фотографии? Товарищ командир, вы что? Фотографирование секретных объектов категорически запрещено! Откуда у вас снимки базы в бухте Кут?

— Да пошел ты, товарищ противоразведчик! — огрызнулся Командир. — Это художественные фото! Закат над сопками! Для души! А этот сейчас зайдет, увидит, и что? Потом в ЦРУ расскажет, что у нас сопки кривые?

— Короче, — оборвал дискуссию Старпом. — В салон нельзя. В трюм нельзя — там "стасики" и секретная аппаратура. В первый отсек нельзя — там торпеды. Давайте его в третий. Посадим на ящик ЗИП напротив радиорубки. Там тепло от УРМа греет. И пусть сидит тихо.

Его приволокли в третий отсек, бросили на ящик с ЗИПом и уставились, как на инопланетянина. Тут же встал Особист. Капитан третьего ранга с лицом человека, который подозревает даже собственную зубную щетку в измене Родине. Особист был важен. Особист был грозен. Особист знал, что сейчас его звездный час. Он зачем-то нацепил кобуру, и начал ее беспрестанно поправлять. Затем он, навис над дрожащим Адуном и, набрав в грудь воздуха, выдал всё, что знал из иностранного:

— Лондан из зе кэпитал оф Грейт Британ!

Адун, с которого текла вода, посмотрел на него бешеными глазами и кивнул:

— Yes. London. Capital.

Особист победоносно оглянулся на механика:

— Видал? Понимает, сука! Контакт налажен. Так, что дальше-то... Э-э-э... Ху из он дыоти тудэй? Нет, это из учебника...

Фразы кончились. Особист завис, как ранняя версия Windows. Он знал про Лондан, знал про «тэйбл», и знал «хенде хох», но последнее было из другой оперы и могло быть расценено как политическая некорректность.

Вмешался Замполит.

— Зовите Ласточкина. Он у нас Битлов слушает и этикетки на джинсах переводит.

Привели Ласточкина. Матрос-секретчик Ласточкин, с видом профессора, которого отвлекли от написания диссертации по квантовой физике (на самом деле он драил гальюн), поправил робу и вступил в переговоры.

— Who are you? — спросил он с протяжным рязанским акцентом, но уверенно. Адун затрясся:

— Fisherman... Boat... Crash... Help.

— Рыбак, — перевел Ласточкин, презрительно скривив губу. — Лодка буль-буль. Жить хочет. Особист разочарованно выдохнул. Шпион сорвался. Опять рутина.

— Ладно, — махнул он рукой. — Пусть сидит. Напиши протокол. А я пошел... бдительность усиливать.

Тут же появился Начмед — доктор.

— Раздевайся! — скомандовал он жестом.

С Аудуна стянули мокрую одежду, дали полотенце. Доктор достал бутылку с прозрачной жидкостью и начал яростно, до красноты, растирать тело «утопленника». Спирт жег кожу, но холод отступал.

— А теперь внутрь, для дезинфекции души, — сказал доктор.

Он протянул эмалированную кружку. В ней было темно-бордовое зелье.

— Drink! (Пей!)

Аудун выпил. Это была смесь чистого спирта, воды и бабушкиного малинового варенья. Горячая волна ударила в голову, вышибая остатки страха.

— Одежду ему дайте! — крикнул доктор.

Принесли «разуху» — кремовое белье, и синий костюм РБ (радиационной безопасности). Аудун оделся. Теперь, если не смотреть на его «Брайтлинг» и аристократический профиль, он ничем не отличался от остального экипажа. Такой же помятый, такой же пахнущий спиртом и малиной. В этот момент в отсеке началось движение.

И тут, Аудун увидел, как какое-то странное действие стало разворачиваться на его глазах. Привели группу молодых лейтенантов. Посвящение. Перед ними поставили плафон от аварийной лампы, наполненный прозрачной жидкостью.

— Пей за первый выход в автономку! — гаркнул старшина отсека.

Лейтенант зажмурился и начал пить. Его лицо перекосило, кадык запрыгал, из глаз брызнули слезы. Он давился, но пил. Аудун, чей мозг уже плавал в малиново-спиртовом тумане, толкнул сидящего рядом матроса в очках — того самого Ласточкина, которого приставили к нему как переводчика.

— What is this? (Что это?) — спросил он шепотом.

Ласточкин, у которого чувство юмора было чернее, чем обшивка лодки, сделал серьезное лицо.

— This is tradition. Pure alcohol. 800 grams. Without snacks. (Это традиция. Чистый спирт. 800 грамм. Без закуски.)

— Alcohol?! (Спирт?!!) — глаза Аудуна округлились. — But... he is crying! (Но... он плачет!)

— Tears of happiness, — не моргнув глазом, соврал Ласточкин. — Russian sailors love alcohol so much they cry when they drink it. (Слезы счастья. Русские моряки так любят спирт, что плачут, когда пьют его.)

Аудун посмотрел на давящегося лейтенанта с суеверным ужасом. Он только что выпил кружку разбавленного «шила» и едва не умер, а эти пьют его плафонами.

В этот момент дверь радиорубки напротив приоткрылась. Оттуда донесся странный звук. Свист эфира, треск помех и тяжелое, напряженное дыхание. Аудун увидел спины двух людей в наушниках. Они сидели неподвижно, как изваяния. Вдруг один из них медленно снял наушники, налил из графина стакан, выпил и... БАМ! Звук удара лба о металл был глухим, но отчетливым. Дверь тут же захлопнули ногой изнутри. Аудун вжался в стену.

— What was that? (Что это было?) — спросил он одними губами.

Ласточкин лишь приложил палец к губам:

— Shhhh! Тихо!

Командир, проходя мимо, бросил взгляд на «норвежца», который теперь сидел в РБ и выглядел как родной.

— Ну что, прижился? — буркнул он Старпому. — Ладно. Пусть сидит. Спать уложите в трюме на ветоши, больше нигде. Следующее всплытие только через три дня. Хрен он теперь отсюда куда денется.

Аудун Хествикен закрыл глаза... Кажется он понял о чем речь. Три дня. Три дня в железной бочке, где пьют спирт литрами, бьются головами о стены и хранят фотографии секретных

баз как иконы. Он понимал, что если выберется отсюда, то прежним уже не будет. Но сейчас ему нужно было просто выжить и понять, что, черт возьми, происходит за этой железной дверью.

ГЛАВА 4. СПИРТ, НАМАЗ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

«Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива! Пусть без страха жалуют к нам в гости.» (Из Х/Ф "Александр Невский")

С размещением «норвежского гостя» поступили по законам флотского гостеприимства, которое, как известно, к своим беспощадно, а к чужим — бессмысленно. Адуна, этого заблудшего потомка викингов, у которого от количества спирта в крови уже запотевали глазные яблоки, определили в третий, жилой отсек. В отдельную каюту.

А писаря Ласточкина, интеллигентного мальчика, хранителя судовой секретки, вышвырнули оттуда, как котёнка из мясной лавки.

— Ласточкин, ты организм молодой, гибкий, хрящи мягкие, — напутствовал старпом. — Найдёшь себе место. Вон, на трюмах, между торпедами и совестью.

Ласточкина приставили к Адуну нянькой. Причина была прозаична до идиотизма: Ласточкин знал английский. Ну, как знал... Он мог уверенно произнести «London is the capital of Great Britain» и «Hände hoch», хотя последнее было из другой оперы и другой войны, но на флоте такие лингвистические нюансы никого не волновали.

Когда Ласточкину нужно было работать с секретными документами в своей келье, Адуну усаживали на стульчик в коридоре, аккуратно напротив рубки радистов и акустиков. Сиди, мол, выпитывай гул атомного сердца Родины.

И вот тут начиналась мистика.

Напротив сидел самый загадочный человек на лодке. Командир БЧ-4, капитан 3-го ранга Джамшед Исмагуллоевич Рахмонзода.

Личность эта была окутана таким мраком тайны, что даже особист, проходя мимо, старался не дышать и втягивал живот. Говорили, что Рахмонзода — не просто связист. Ходила легенда, что он защитил закрытую диссертацию по теме «Психолингвистическое воздействие низких частот на подкорку человеческого мозга». Якобы он мог так настроить передатчик, что у оператора НАТО в Норфолке начиналась неукротимая диарея или, что ещё хуже, неконтролируемая любовь к русским берёзкам.

К нему в рубку боялся заходить даже командир лодки. У Рахмонзоды была «вертушка» — прямая связь. С кем? Со штабом флота? Берите выше. С Министерством обороны? Ещё выше. С Господом Богом? Не исключено.

Но замполита и особиста волновала не психолингвистика. Их волновали звуки.

Ровно пять раз в сутки Джамшед Исмагуллоевич выгонял всех из радиорубки. Задраивал тяжёлую кремальеру. И через минуту из-за бронированной двери начинали доноситься глухие, ритмичные удары.

Бум. Тишина. *Бум.*

Тяжёлый, костяной стук чего-то твёрдого о железную палубу.

Замполит, человек с душой тревожной и бдительной, как-то зажал особиста в углу курилки:

— Ты слышишь? Опять бьётся.

— Слышу, — мрачно кивнул особист, нервно кусая папиросу. — Шиит. Точно тебе говорю, шиит.

— Почему шиит? — шёпотом спросил замполит.

— Потому что страстно бьётся. Ты у него на лбу видел мозоль? Как пятак советский — тёмная, ороговевшая! Он лбом палубу пробивает. Намаз делает. Пять раз в день! Строго по графику! Азимут на Мекку, видимо, по гирокомпасу вычисляет.

Они стояли и с ужасом думали о том, что командир правительственной связи, человек, владеющий тайнами ядерных кодов, пять раз в день бьётся головой об пол, вымаливая у Аллаха

что-то, что явно не вписывалось в Корабельный устав ВМФ СССР. Однажды его, забывшего закрыться, увидели встающим с колен. Взгляд у него был такой, что увидевший это мичман неделю заикался.

Адун, сидящий на стульчике в коридоре, и тоже услышал эти удары. *Бум. Бум.*

Для его проспиртованного мозга это было послание. Он смотрел на железную дверь расширенными зрачками. Ему казалось, что там, внутри, происходит что-то Важное. Что этот смуглый русский шаман выбивает лбом ритм Вселенной, поддерживая работу реактора.

— It is... the Heart of the Boat? — с благоговением спрашивал он Ласточкина.

— Ага, харт, — мрачно отвечал Ласточкин, тоскующий по своей койке. — Харт оф зетма. Преинг ту зе Гад оф Коммунизм.

Но досуг Адуна не ограничивался прослушиванием религиозных экстазов начсвязи. Был ещё Доктор.

Начмеду была поставлена боевая задача: объект должен быть счастлив, сыт и пьян. В условиях автономного плавания эти понятия были синонимами. Если советскому подводнику полагалось 50 грамм сухого вина («для гемоглобина»), то Адуну выставляли бутылку. Полную.

— Пей, викинг, — ласково говорил Доктор, щедро подливая в вино чистого медицинского шила. — Дезинфекция души.

Адун жил в перманентном состоянии грогги. Он просыпался — бутылка уже стояла. Он засыпал — бутылка ещё стояла. Но просто поить его было идеологически неверно. Нужно было просвещать.

— Ему скучно, — решил замполит. — Тащите его на политинформацию.

— Он же не понимает по-русски, — робко возразил Ласточкин.

— Искусство, товарищ матрос, не требует перевода!

В кают-компании установили дребезжащий кинопроектор «Украина». Зарядили плёнку. И начался ад.

В репертуаре была ретроспектива Советской боевой славы. Но Замполит особо возлюбил показ трех фильмов: «Адмирал Нахимов», «Александр Невский» и какую-то выцветшую хронику парада 1985 года. Поскольку на лодке было три смены, кино крутили три раза в день. Адун, как почётный гость, обязан был присутствовать всегда.

Представьте картину: полутёмная кают-компания, пахнет озоном и перегаром Адуна. Стрекошет «Украина». На экране Черкасов в роли Невского орёт: «А если кто с мечом к нам войдёт!...»

И сидит товарищ Хествикен. Вдрызг пьяный.

За трое суток он посмотрел «Александра Невского» девять раз.

К пятому просмотру он начал узнавать тевтонских рыцарей в лицо. К седьмому — начал им сочувствовать. На девятый раз, когда рыцари снова пошли под лёд Чудского озера, Адун заплакал.

Он рыдал, глядя, как тяжёлые доспехи утягивают врагов на дно, и, возможно, видел в этом глубокую аллгорию своей собственной судьбы на этой железной субмарине.

— Проникся, — удовлетворённо кивал замполит в темноте. — Видишь, как плачет? Осознал силу русского оружия!

— Или спирт подействовал, — скептически шептал Доктор, но вслух этого, конечно, не говорил.

Плёнка в «Украине» закончилась с характерным шлёпающим звуком, похожим на пощёчину. Экран погас, погрузив кают-компанию в вязкую, спиртовую темноту.

— Идеологическая победа, — констатировал замполит, удовлетворённо потирая руки. — Клиент созрел. Уносите.

Адун уже не плакал. Он спал, уронив тяжёлую голову на скатерть, прямо в блюдо с недоеденными сушками. Ласточкин, вздохнув, подхватил «норвежского гостя» под мышки. Тот был тяжёл и податлив, как мешок с мокрым песком.

Кое-как доволочив тело до каюты и сгрузив его на койку, Ласточкин остановился перевести дух. За переборкой стало тихо. Ритмичный стук прекратился — то ли Джамшед Исма-туллоевич закончил свое действие, то ли просто устал, то ли добился отклика от Вселенной.

Ласточкин потянулся было накрыть гостя казённым одеялом, но замер.

Рука Адуна свесилась с койки. Манжет фланелевой рубашки задрался, обнажив запястье. В тусклом свете ночника маслянисто блеснул массивный корпус часов. Это были не дешёвые «Casio» и не рыбацкие «Skagen».

Ласточкин, прищурившись, наклонился ближе. На циферблате, испещрённом непонятными мелкими шкалами и цифрами, светилась надпись: Breitling. Вокруг циферблата вращался сложный безель, напоминающий приборную панель самолёта.

Писарь сглотнул. Он видел такие часы только один раз — в иностранном журнале, который особист конфисковал у самого Замполита. Стоили они столько, сколько Ласточкин не заработал бы, даже если бы служил на флоте триста лет.

Адун всхрипнул, и его рука дёрнулась, словно пытаясь спрятать хронометр обратно в рукав.

Ласточкин выпрямился, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок. Для простого рыбака, потерявшего лодку и рассудок, у этого викинга были слишком дорогие игрушки.

«Спи, — мысленно сказал ему Ласточкин, гася свет. — Спи, буржуй. Завтра разберёмся, кто ты такой и почему твои часы стоят дороже нашей лодки».

Он вышел в коридор, плотно прикрыв за собой дверь. В тишине спящего атомохода снова что-то щёлкнуло, но это был уже не стук лба о палубу. Это был звук взводимого курка судьбы, о котором экипаж пока даже не догадывался.

А за переборкой, в радиорубке, снова раздавалось глухое: *Бум... Бум...*

То ли намаз, то ли психолингвистическая атака, то ли просто Джамшед Исма-туллоевич пытался выбить из головы мысли о том, где он, кто он, и почему этот мир так похож на дурной сон... на этом этапе повествования, нам пока это неизвестно.

ГЛАВА 5. ТРИ ДНЯ ТИШИНЫ, КОНФИСКАТ ЗАМПОЛИТА И ЗОЛОТО ВИКИНГОВ

" -- Здравствуйте, товарищ Сталин!

Сталин отнял от лица одну руку и недоверчиво покосился на капитана.

-- Здравствуйте, здгаствуйте,-- осторожно сказал сапожник.-- Мы уже виделись."

- В. Войнович «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина».

Три дня под водой в режиме полного радиомолчания — это не скука. Скука — это очередь в сберкассах за облигациями. А три дня в железной утробе, висящей в черной ледяной жиже, — это, как любил философствовать матрос Тузов, сидя на гальюне, «форма принудительного буддизма для тех, у кого нет денег на Тибет, но есть избыток казенного здоровья».

«Иваси» висела в этой жиже, как маринованный огурец в банке вечности. Время здесь не текло, а капало густой смазкой с сальников. Экипаж нес вахту, ел, спал и снова нес вахту, медленно зверея от замкнутого цикла бытия.

Всё началось с Ласточкина. Секретчик, обладавший зрением снайпера и классовым чутьем старой большевички, ввалился в каюту Особиста, плотно прикрыв за собой дверь.

Капитан 3-го ранга Крепкоступов сидел за столом и раскладывал пасьянс из учетных карточек офицерского состава. Фамилия его была насмешкой судьбы. Ходил он мягко, почти не касаясь палубы, будто танцор балета в отставке. Лицо его всегда озаряла тихая, застенчивая, почти детская улыбка.

— Здравия желаю, Ласточкин, — пропел он, не поднимая головы. — Как здоровье? Как матушка в Новороссийске? Писала? Сердце не шалит?

— Никак нет, тащ капитан третьего ранга. Спасибо. Тут... дело деликатное.

— Деликатное? — Крепкоступов поднял лучистые глаза. — Это мы любим. Рассказывай, сынок. Кто-то анекдот про Партию рассказал? Или спирт неучтенный?

Ласточкин подошел ближе и понизил голос:

— Объект «Рыбак». Часы у него. Неправильные.

— Стоят?

— Блестят, Евгений Палыч. Золотом блестят. Я такие видел только в журнале... Ну, в том самом, который вы у замполита изъяли. В целях борьбы с буржуазной моралью.

— Так-так, — улыбка особиста стала еще ласковее, но от этой ласки Ласточкину захотелось спрятаться в торпедный аппарат. — Идем, посмотрим.

Они нашли Аудуна в коридоре третьего отсека. Норвежец дремал на стульчике, убаюканный парами шила.

Крепкоступов подошел к нему, как добрая медсестра к больному. И попросил перевести Ласточкина:

— Хэллоу, мистер Аудун! Хау ду ю ду?

Аудун открыл мутные глаза.

— Гуд...

— Ай эм сорри, — переводил Ласточкин — Смолл формалити. Инспекшн. Визер, компас, вотч...

Особист деликатно взял руку норвежца. Пальцы Крепкоступова были цепкими, но нежными.

— О, бьютифул вотч! — восхитился он. — Мэй ай? Джаст ван минут. Ай вилл ретёрн. Честное пионерское. Ласточкин, переведи ему, что мы только посмотреть.

Ласточкин перевел. Аудун, сбитый с толку мягким напором, позволил расстегнуть браслет.

Через десять минут в салоне командира заседал «Малый Хурал».

Командир лодки, капитан 1-го ранга Гримливый, сидел во главе стола. Это был человек-скала, но скала задумчивая, словно решающая вековую проблему эрозии почвы. Он молчал, и молчание его весило тонн двадцать.

Напротив, ерзя на стуле, расположился старпом Триличанский. Человек-оркестр: с подчиненными он разговаривал исключительно на ультразвуке, срываясь в фальцет, а при виде начальства его голос приобретал бархатные, мурлыкающие нотки, а спина изгибалась в почти-тельном полупоклоне.

Замполит Беззмистинко сидел с видом оскорбленной невинности.

Крепкоступов вошел бесшумно.

— А вот и я, — ласково сказал он. — Не с пустыми руками, товарищи! С непусты-ы-ми!!!

Он положил на стол часы. Они легли с тяжелым, плотным стуком, с каким падает на чашу весов судьба человека. Следом на стол лег глянцево-ый журнал — легендарный каталог «Otto», спецвыпуск «Luxury Life» за 1988 год.

— Вот, товарищи, — проворковал особист, открывая закладку. — Сравните. Слева — суровая реальность на руке нашего гостя. Справа — мечта капиталиста, между прочим, тащ замполит, ваш журнальчик! Пригодился!

Триличанский ахнул, прикрыв рот ладошкой. Гримливый нахмурился.

— Цена, — особист ткнул пальцем в цифру. — Восемьдесят пять тысяч марок ФРГ. Лимитированная серия. Золото, платина, сапфир.

— Сколько?! — взвизгнул Триличанский, забыв про субординацию.

— Тише, Аркадий Львович, тише, — успокоил его Крепкоступов. — Нервные клетки не восстанавливаются. А теперь — самое вкусное. Гравировка.

Он перевернул часы.

— «Min kjære nevø Audun... Fra onkel Olav V, Konge av Norge». Перевод нужен? Вот, недаром я с собой словари всякие таскаю! Я-таки перевел! Или вам уже и так понятно, что у нас на борту племянник норвежского короля?

В салоне повисла тишина. Такая густая, что слышно было, как в графине с водой лопаются пузырьки воздуха.

— Твою дивизию, — тяжело уронил Гримливый. — Племянник...

— Тащи его сюда, — скомандовал командир. — Допрашивать будем. Все вместе. Протокол не ведем. Крепкоступов, инструктируй, сдается "кукла" это, а не племянник!

Аудуна усадили на гостевой стул. Вид у него был помятый, но спокойный. Слишком спокойный для человека, который попал в плен к русским подводникам.

Первым начал Замполит Беззмистинко. Он поправил галстук и принял позу прокурора на Нюрнбергском процессе.

— Гражданин Хествикен! — торжественно начал он. — Какова истинная цель вашего пребывания в территориальных водах, граничащих с СССР? Туризм? Шпионаж? Провокация?

Ласточкин перевел.

Аудун пожал плечами:

— Fishing. Nature. (Рыбалка. Природа).

— Природа... — ядовито повторил Замполит. — А часы эти золотые вам природа подарила? Или капиталистическая жадность?

— Gift. From family. (Подарок. От семьи).

Замполит сдущся. С идеологией у «принца» было туго.

Вторым вступил Особист Крепкоступов. Он улыбнулся так широко, что у Аудуна должно было возникнуть желание переписать на него имущество.

— Мистер Аудун, голубчик, — мягко начал он. — А семья у вас большая? Мама, папа живы-здоровы?

— Yes, thank you.

— А дядя? Тот самый, Олаф?

Лицо Аудуна стало печальным, но светлым.

— Uncle Olav passed away. January. Very sad. Great man. (Дядя Олаф умер. В январе. Очень грустно. Великий человек).

— Верю, — кивнул Крепкоступов, заглядывая норвежцу прямо в зрачки. — Охотно верю. А вот скажите, племянничек, а часто вы с дядей виделись?

— Often. Yachting. Holidays. (Часто. Яхтинг. Праздники).

Гладко. Ни заминки, ни страха. Крепкоступов нахмурился, но улыбку сохранил.

Третьим был Старпом Триличанский. Он нервничал. Он не знал, как говорить с принцем: то ли орать, как на матроса, то ли кланяться. Его психика дала сбой.

— А НУ ОТВЕЧАТЬ! — вдруг взвизгнул он фальцетом, вскакивая и брызгая слюной. — КУРС?! СКОРОСТЬ?! ГДЕ ВАША ЯХТА БАЗИРОВАЛАСЬ?!

Аудун дернулся от неожиданности.

— Тромсё! — выкрикнул Триличанский. — ХАММЕРФЕСТ?! НОМЕР ПРИЧАЛА?!

— Bergen! — машинально ответил Аудун. — Royal Yacht Club, berth seventeen... (Берген! Королевский яхт-клуб, причал семнадцать...)

И тут произошел сбой.

Триличанский, войдя в раж, заорал совсем уж несуразное:

— СОСТАВ ЭКИПАЖА?! БОЕВОЙ РАСЧЕТ?! КТО КОМАНДИР БЧ-5?!

Аудун замер, когда Ласточкин перевел ему. Его глаза на секунду потеряли фокус. Он явно не понял вопроса про БЧ-5 (электромеханическая боевая часть), но инерция допроса сработала.

— Engineer... — начал он и запнулся. — I mean... mechanic. Lars. Just Lars.

Он поправился быстро. Слишком быстро.

Вместо «Engineer Larsen» или «Chief Engineer», он сказал просто «Ларс». Как будто хотел назвать должность, но вовремя вспомнил, что на гражданских яхтах нет командиров БЧ.

Крепкоступов перестал улыбаться. Гримливый прищурился.

Это был тот самый «петух». Маленькая, едва заметная фальшь. Настоящий гражданский, пьяный мажор, просто выпучил бы глаза. А этот — начал докладывать и осекся.

— Ларс, значит... — протянул Крепкоступов. — Просто Ларс.

— Yes. Mechanic. Good mechanic, — Аудун снова улыбнулся, но в уголках его глаз залегла тень напряжения. — But my uncle is a King.. I mean... was a King (Но мой дядя - Король... был королем.)

В салоне повисла тишина. Такая густая, что слышно было, как в графине с водой лопаются пузырьки воздуха. Гримливый медленно, как башня главного калибра, повернул голову к Особисту.

— Короля? — тихо спросил он. — Племянник? — Так точно... — шепнул Крепкоступов, и его вечная улыбка сползла с лица, как плохо приклеенные усы.

Все трое медленно перевели взгляд на Аудуна. Норвежец сидел в прежней позе — ссутулившись на привинченном стуле, в застиранной робе РБ, сжимая в руках банку сгущенки, словно боялся, что её отнимут. Вид у него был жалкий и похмельный.

И тут Старпом Триличанский, который еще минуту назад визжал и брызгал слюной, требуя "боевой расчет", вдруг побелел. Рефлексы, вбитые годами строевой подготовки, сработали быстрее мозга. Он с грохотом отодвинул стул, вскочил и, вытянувшись в струнку так, что хрустнули позвонки, рывкнул во весь голос, словно командовал парадом на Красной площади:

— Здравия желаю, Товарищ... э-э.. Ваше... э-э... Высочество!

Аудун вздрогнул от крика и чуть не выронил сгущенку. Он опасливо покосился на старпома, потом на остальных.

— Hello... — осторожно сказал он, вжимая голову в плечи. — Hello again. We met already. (Здравствуйте... Мы уже виделись).

Гримливый тяжело вздохнул, закрыв лицо ладонью.

— Идиот, — глухо сказал он старпому. — Сядь. Ты еще гимн Норвегии спой.

Но магия уже сработала. Атмосфера в каюте необратимо изменилась. Теперь здесь сидели не три советских офицера и один шпион, а три перепуганных чиновника и один представитель Высшей Силы, пусть и одетый в РБ предназначенной для механика Кузькина.

— Евгений Палыч, — сказал командир, не отнимая руки от лица. — Уведи его. Печенек дай ему, шоколада.. И сгущенки еще. Две банки. Нет, три. И подушку ему свою отдай. Перьевую.

Когда за норвежцем закрылась дверь, командир повернулся к офицерам.

— Ну?

— Мутный, — выдохнул Триличанский, вытирая пот со лба. — Ой, мутный, товарищ командир!

— Не то слово, — согласился Крепкоступов. — Слишком гладкий. И этот сбой на механике... Он знает структуру. Он знает, что такое БЧ.

— Короче так, — подвел черту Гримливый. — Принц он или не принц, но часы у него настоящие. И проблемы у нас настоящие. Докладывать надо. Иначе этот Ларс нам всем снится будет в камере.

— Всплываем по времени, — решил командир. — Но доклад — шифром. Крепкоступов, сочиняй. Чтобы и волки сыты, и нас не расстреляли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.